

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русско-японская война на море (1904—1905 г.г.)

В Русско-японскую кампанию тяжелый опыт Крымской войны не только не был надлежаще учтен, но, наоборот, как бы вновь была воспроизведена картина Крымской войны, в отдельных случаях с поразительной точностью, а иногда превзойдя ее размахом неудачных мер, обусловивших это новое поражение России. Какие-то другие причины, может быть лежащие вне рамок стратегии, создали условия, при которых мысль командования русскими вооруженными силами как при подготовке, так и при ведении войны стала на путь, ведущий к военному разгрому.

Влиянием отдельных личностей нельзя этого объяснить, ибо после Крымской кампании, в силу естественной смены на жизненном поприще почти двух поколений, уже другие люди были во главе командования; иными были и условия войны.

Причины лежали в системе, которая была свойственна русскому военному аппарату как 50 лет назад, так и к рассматриваемому моменту 1904—1905 г.г.;—системе, получавшей свое внутреннее содержание в правительственном режиме России, не дававшем ей импульса к действительному оздоровлению.

Военное и морское ведомства ближе других отражали тот процесс внутреннего развала государственной власти в России, который мы можем наблюдать еще задолго до русско-японской войны. Одним из следствий этого явилась неспособность оторваться от традиций, приводивших к поражению ранее, приведших к нему и теперь.

Несоразмерный темп политики с наличием необходимых средств для поддержания ее притязаний военной силой; неготовность к войне, несостоятельность высшего командования; крушение планов, оказавшихся несоответствующими обстановке, потерянная инициатива и пр.—вот все те факторы, которые определили исход обеих войн.

Оборона берегов, по существу, была основной мыслью кампании 1904—1905 г.г.

Стремление России сводилось к тому, чтобы не допустить Японию проникнуть и утвердиться на материке, сохраняя за собой исключительное преобладание на Дальнем Востоке, включив в сферу такового Манчжурию и Корею и избежав конкуренции в Китае.

Русский и японский империализм увлекал обе стороны к неизбежному столкновению. Море—разделяло их.

В этих условиях Россия должна была соорудить сильный флот, чтобы, владея морем, исключить возможность переброски войск Японии на материк. Она должна была оборудовать театр, обеспечив его базами для флота; построить пути сообщений; обеспечить сосредоточение войск для отражения противника; сообразовать подготовку к войне с заданиями, проистекавшими из анализа обстановки, и учитывая наступательные ресурсы Японии, прежде всего.

Между тем, Россия не была там подготовлена. Ни один из вопросов, перечисленных выше, не был решен так, как того требовали условия войны и те планы, с которыми в нее вступила Россия.

С занятием Порт-Артура, выдвижением **Морской театр войны.** в южную Манчжурию, к Инкоу и устью Ялу, Россия получила выход в Желтое море. Корейский полуостров, этот объект русско-японской распри, разделял оба участка русского побережья как бы на два театра: Желтого и Японского моря. В первом базой флота служил Порт-Артур, во втором—Владивосток.

При общем взгляде на схему № 5 бросается в глаза крайне невыгодное для России расположение ее баз, влекущее за собой либо разделение морских сил между двумя морями, либо сосредоточение в одном из них, путем обнажения побережья другого.

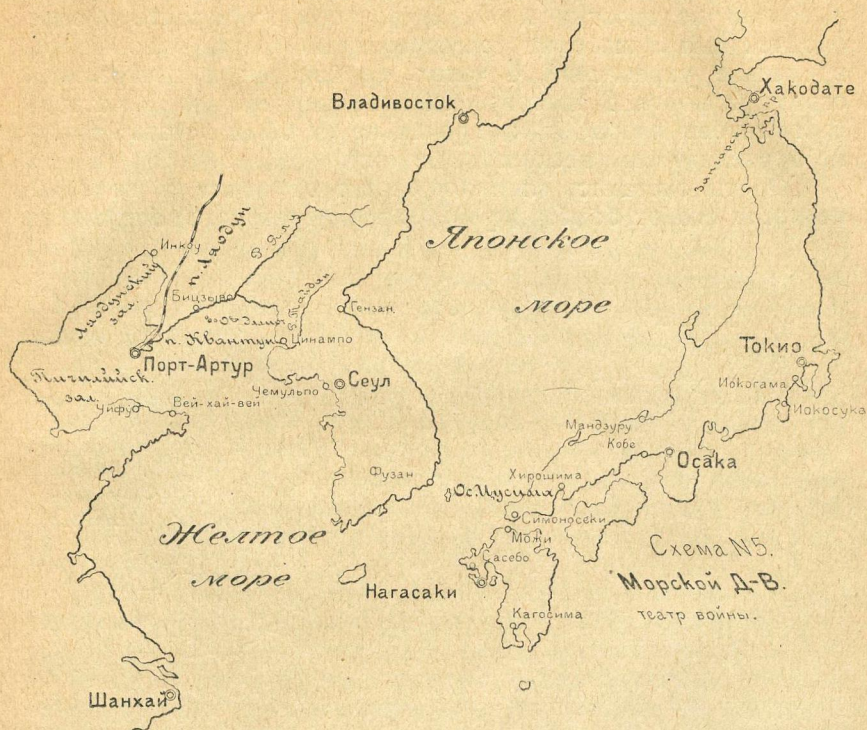
Обе базы русского флота обладали большими неудобствами и не были надлежаще оборудованы.¹

В то же время Япония имела ряд прекрасно оборудованных и укрепленных баз, дававших ее флоту крупные стратегические преимущества перед русским флотом, действия и оперативные возможности которого в значительной мере парализовались неудобным расположением его военных портов.

Японский флот располагал следующими военными портами: Сасебо (в Корейском проливе), порт Такесики, Симоносеки, Куре, Хиросима, Нагасаки; оборудованными портами—Майд-

¹ Столь неудобное расположение баз русского флота вызывало не раз стремление захватить базу в самом Корейском проливе, либо Мозампо (Фузан), либо на острове Цусима, лежащем посередине Корейского пролива, либо выдвинуть ее к Чемульпо. Но эти проекты осуществлены не были.

зуру и Цуругу, Хакодате, Куре, Хирошима, Кобе, Осака, Сойчи, Уриги, Иокосука (первоклассный порт), Иокогама, Токио.

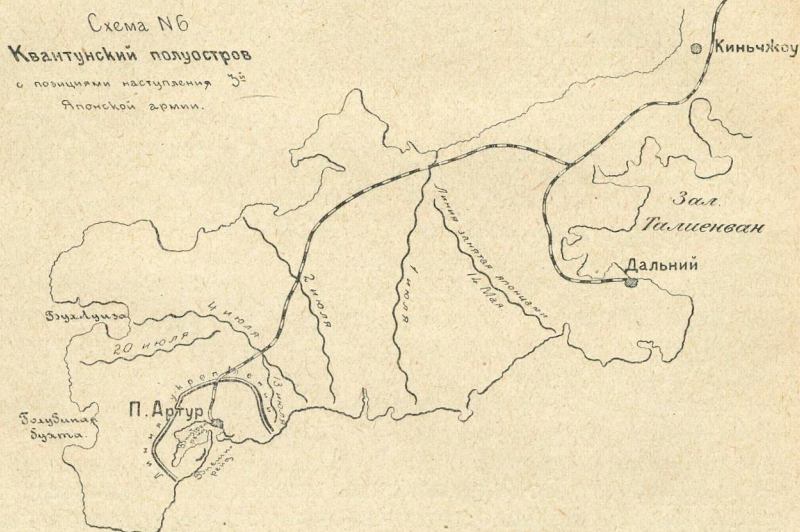

Состояние Владивостока и Порт Артура. Во Владивостоке имелся лишь один сухой док, недостаточны были также и ремонтные средства. Защита Владивостока не обеспечивала флота от дальнего бомбардирования и даже от взятия крепости штурмом. Береговые батареи и батареи сухопутного фронта были только начаты своим оборудованием и далеко еще не завершены к моменту начала войны. Еще хуже обстояло дело с другой базой флота—Порт-Артуром (см. сх. № 6).

После занятия Порт-Артура в 1898 году и до 1904 года для укрепления его было сделано очень мало. Несмотря на то, что русское правительство тратило громадные средства на оборудование коммерческого порта в Дальнем и на другие предприятия промышленного характера, на собственно военное оборудование театра, в том числе крепости и порта Артура, были затрачены лишь ничтожные суммы.

„В результате, ко дню открытия военных действий Артур был совершенно не закончен. В лучшем состоянии находился

еще приморский фронт, но и там из 25 долговременных батарей имелось готовых только 6 и начатых—3; из прочих 16 было dokonчено только 9 временного характера, начато только 6 и совсем не начаты—4. На сухопутном же фронте вполне окончен был лишь один долговременный форт, одно долговременное укрепление, 4 таких же батареи и центральная ограда; 3 форта, 2 долговременных укрепления и 1 батарея были готовы вчерне, а из прочих не все были начаты; также не проведено еще нескольких дорог“.

Артурский рейд имел единственный выход, доступный большим судам лишь в полную воду. На внешнем рейде не имелось никакого оборудования для обеспечения безопасности флота, принужденного стоять совершенно открытым для нападения миноносцев противника. Не было ни одного дока для ремонта подводной части больших судов, которые для этой цели должны были ходить во Владивосток.

Порт, в отношении оборудования мастерскими и наличия запасов, был мало подготовлен к обслуживанию флота во время войны. Адмирал Алексеев, в отчете 1903 года на имя генерала-адмирала, писал: (Р.-Яп. Война 1904/05 г. кн. I) „ни Порт Артур, главным образом за неутверждением общего плана работ, ни Владивосток из-за задержки в заказах—не могут еще, к сожалению, и в 1904 году считаться оборудованными военно-морскими портами, на которые флот мог бы уверенно опираться не только в военное, но даже и в мирное время“.

Таким образом, оборудование Россией театра Дальнего Востока в отношении баз, и крепостной их защиты не было удовлетворительным. Это тягчайшим образом отразилось на операциях русского флота и парализовало даже те оперативные возможности, которые он, при своей относительной слабости и неготовности к войне, мог иметь.

Состояние русского флота перед русско-японской войной. Состояние русского флота перед войной, как в смысле материальных его средств, так и подготовленности личного состава, в особенности высшего командования, в полной мере характеризуется тяжелыми неудачами, которые сопровождали его деятельность в этой, несчастной для России, войне.

Россия после 1880 года делала громадные усилия по воссозданию флота, сначала конкурируя с Германией за преобладание на Балтийском море, потом с середины 90-х годов, не оставляя этой задачи, стремясь сосредоточить на Дальнем Востоке силы, превосходящие флот Японии. Но ни та, ни эта задача не удавались. Дробя свои ресурсы между Черноморским и Балтийским флотом, не имея твердого и определенного курса в области морской политики, темп которой опережал осуществление судостроительных программ, Россия к моменту войны оказалась на Дальнем Востоке слабее Японии.

Сосредоточение Русского флота на Дальнем Востоке должно было быть закончено к 1905 году, тогда как Япония уже зимой 1903/04 года была готова к войне, начав ее в тот момент, когда морские силы России были не доведены до намеченного программами состава, частью достраивались в Петербурге, частью находились в пути на Дальний Восток.¹

К концу января 1904 года состав русского флота и дислокация его были следующие:

¹ Вопрос о состоянии русского флота перед русско-японской войной излагаем конспективно, имея в виду недавно вышедшие наши труды „Трафальгар—Цусима—Ютландский бой“ и „Подготовка России к мировой войне на море“, где читатель может получить сведения о русском флоте в этот период.

С У Д А	На театре военных действий	В пути на Дальний Восток	В Балтике		В Черном море. Готовые
			Строю- щиеся	Готовые	
Линейные корабли:					
а) Новейш. типа	4 { „Цесаре- вич“. „Ретви- зан“. „Победа“. „Пере- свет“.	1 „Ослябя“.	7 { „Ан- рей П.“ „Па- вел I“ „Суво- ров“ ¹ „Боро- дино“ ¹ „Але- ксандр III“ ¹ „Орел“ ¹ „Сла- ва“ 1905.	—	1 „Потем- кин“
б) Стареющие . .	3 { „Полта- ва“. „Петро- павловск“ „Севасто- поль“.	—	—	2 { „Сысой Великий“. „Нава- рин“.	3 { „Рости- слав“ „III Свя- тителя“ „XII Апо- столов“
в) Устаревшие .	—	—	—	2 { „Але- ксандр II“. „Нико- лай I“.	4 { „Георгий Побед.“ „Чесма“ „Синоп“ „Екатери- на II“
Броненосцы бере- говой обороны:					
а) Стареющие . .	—	—	—	3 { „Ушаков“. „Сенявин“ „Апра- ксин“.	—
б) Устаревшие .	—	—	—	—	—
Крейсеры 1 ранга:					
а) Новые	8 { „Баян“. „Громо- бой“. „Россия“. „Варяг“. „Аско- льд“. „Диана“. „Пал- лада“. „Бога- тырь“.	1 „Аврора“.	1 „Олег“ ¹ 1904	—	—

С У Д А	На театре военных действий	В пути на Дальний Восток	В Балтике		В Черном море. Готовые
			Строющиеся	Готовые	
б) Стареющие . . .	1 „Рисрик“.	—	—	3 { „Нахимов“ „Мономах“ „Светлана“	—
в) Устаревшие . . .	—	—	—	2 { „Корнилов“ „Память Азова“	1 „П. Меркурия“
Крейсеры 2 ранга:					
а) Новые	2 { „Новик“. „Боярин“.	1 „Дм. Донской“. ¹	3 { „Жемчуг“ ¹ „Изумруд“ ¹ „Алмаз“ } 1904.	—	—
б) Устаревшие . . .	—	—	—	—	—
Миноносцы:					
Новые	22	7 ¹	8 — 1904	13	7

Из этой таблицы видно, что к моменту начала войны лишь часть морских сил России была сосредоточена на Дальнем Востоке.²

Черноморский флот—в силу лишения права прохода через проливы, не мог быть послан на Дальний Восток. На Балтике оставались суда, незаконченные постройкой, и корабли второй линии. Отряд адмирала Вирениуса находился в пути в Средиземном море и, благодаря нелепым распоряжениям главного морского штаба, не разрешавшего бросить миноносцы, задерживавшие отряд в пути, и спешить хотя бы большим судам, дойти не успел и был принужден вернуться в Россию.

Таким образом, соотношение сил нашей 1-й Тихоокеанской эскадры и японского флота к моменту начала войны было следующее:

	Русские Японцы			Русские Японцы	
Броненосцы	7	6	Крейсеры 2 ранга . . .	2	10
Броненосные крейсера . . .	3	8	Миноносцы истреб. . .	22	19
Крейсеры 1 ранга . . .	6	7	Малые миноносцы . . .	15	28

¹ Суда, вошедшие в состав 2-й эскадры Рождественского.

² Суда, заведомо не имевшие никакого боевого значения, в таблице не показаны.

Япония имела преимущество, но не настолько большое, чтобы русский флот не был в состоянии вести борьбу. При благоприятных условиях, искусной подготовке личного состава и умелом руководстве, он мог бы с успехом противостоять неприятелю в трудной задаче последнего, связанной с обеспечением переброски японской армии на материк.

Но количество кораблей в составе флота еще не является показателем его боевой мощи. Качества и подготовка личного состава имеют при этом не меньшее значение. На примере русско-японской войны можно видеть, что именно в этой плоскости, в плоскости дурной подготовки и руководства, лежал залог поражения на море. Другие дефекты флота, как-то—разнотипность судов, отсутствие определенной системы в судостроении, недостатки отдельных типов кораблей, дурные снаряды, неудачная система бронирования, дурная организация и пр. отходят на второй план сравнительно с ошибками руководства.

Все это приводило к тому, что флот наш оказался фактически не в состоянии бороться с противником в море. Дурное оборудование театра, худо защищенные и дурно оборудованные базы еще более усугубляли тяжесть его положения.

Россия располагала могущественной армией и неисчерпаемыми людскими ресурсами. Она могла осуществить безусловное превосходство над высадившимся на материк противником и затем сбросить его в море. На это и рассчитывало высшее русское командование, спокойно делая подсчеты о сосредоточении сухопутных войск.

Но громадное расстояние театра от Европейской России, где была, главным образом, расположена армия, длительность пути и недостаточная пропускная способность Сибирской железной дороги не давали возможности быстрого сосредоточения. Морская оборона берегов, прежде всего флот, должна была сдерживать высадку противника и мешать перевозке его армии, не давая ему возможности развить решительные операции на сухом пути в течение длительного времени, пока наконец сосредоточение русской армии будет закончено. Это являлось ответственной задачей русских морских сил, действовавших против Японии.

Планы войны. В России было составлено два плана: один для сухопутных войск, другой для морских сил. Тогда как план сухопутной армии рассматривался и утверждался в Петербурге, морской план разрабатывался в штабе наместника на Дальнем Востоке, и морское министерство даже не было посвящено в его детали.

В 1901 году вопрос о составлении плана а) **Морской план.** был поднят адмиралом Скрыдловым, тогда командовавшим Тихоокеанской эскадрой. План этот был основан на действиях сосредоточенного флота, базирующегося на Владивосток.

Но наместник Дальнего Востока, адмирал Алексеев, не согласился и предложил изменить его. В основу действий флота им была положена задача: заградить путь в Желтое море неприятельскому флоту, для которого вероятной целью почиталась высадка войск в Чемульпо и в устье реки Ялу. В соответствии с этим, главные силы флота должны были базироваться на Порт-Артур. Второй задачей флота было отвлечение части неприятельского флота от Печилийского и Корейского театров, для чего предполагалось образовать самостоятельный крейсерский отряд с опорной базой во Владивостоке.

В 1903 году, в связи с пришедшим для пополнения состава Тихоокеанской эскадры новыми судами, возник вопрос об изменении этого плана. Инициатива принадлежала капитану 1 ранга Эбергарду, который предложил с началом войны перейти к активным действиям сосредоточенными силами флота, приняв за базу выдвинутый пункт—порт Мозампо, в Корейском проливе.¹ Это предложение не было принято, как не отвечающее соотношению сил нашего и японского флотов. Был составлен другой план, автором которого явился адмирал Витгефт, тогда начальник морского штаба наместника.

План Витгефта, положенный затем в основу развертывания русских морских сил, базировался на следующие предполагаемые намерения Японии в случае ее войны с Россией: 1) занять Корею, 2) не дать русским окончательно утвердиться в Манчжурии, 3) попытаться сделать демонстративную высадку близ Приамурской области, 4) такую же высадку на Квантуне и 5) при удаче этих двух высадок, попытаться овладеть обеими областями.

„Для перевозки и высадки японской действующей армии в Корею—писал Витгефт—являются два пути: или на восточный ее берег в Мозампо, Фузан, Гензан... или на западный берег—в Чемульпо, Пеньянг или Ялу, или около Ялу“.

„Предупредить нашими морскими силами высадку японской армии на восточный берег Кореи, при его близости от Японии и обладании ею сильной и удобной базой—заслоном Фузан—Цусима—Сасебо—Куре, невозможно, так как: 1) Порт-Артур от восточного берега в расстоянии 600 миль, тогда как от Японии всего в 100 милях, и 2) инициатива начала войны и даже наступательных действий на море—будет на стороне Японии. Она ищет войны и наступления, мы же готовимся лишь, чтобы—или предупредить удар, или отразить его“. Оценивая возможные направления для высадки японских де-

¹ Между прочим, Эбергард указывал, что ввиду затруднений с выходом эскадры на артурский рейд, стоянка ее там „была бы бесславным сиденьем“ и опасной от минных атак противника.

сантных армий, план устанавливает, что „главным стремлением Японии будет стать хозяином Желтого моря и Корейского залива, перебросить свою армию к западному берегу Кореи и высадить ее в Чемульпо, Пен-Янге или Ялу“, причем особенно вероятным считалась высадка в устье Ялу.¹

Согласно плану—„главными задачами наших морских сил на Дальнем Востоке должны быть: 1) необходимость остаться обладателями Желтого моря и Корейского залива, опираясь на Артур. 2) Не допустить высадки японской армии на западном берегу Кореи. 3) Отвлечь часть японских морских сил от главного театра военных действий и предупредить второстепенными морскими операциями из Владивостока попытку высадки близъ Приамурья“. „Если, однако, допустить, что Япония удовольствуется высадкой на восточный берег Кореи или же, что высадка на западный берег случайно удалась, то вышеприведенные задачи превращались бы для наших сил: а) в отыскание японского флота в пределах Желтого моря и Корейского пролива, б) в уничтожение этого флота, прекращение сообщений морем японской армии, находящейся в Корее, с Японией“.

Планом было назначено разделить русские морские силы между Японским и Желтым морями. В первом оставить отряд больших крейсеров для действий на сообщения и для демонстраций, главные же силы—сосредоточить в Порт-Артуре.

„Принятие Порт-Артура за базу“—указывается в плане,—„не может стеснить наш флот выйти в море для прекращения морского сообщения неприятельской армии или попробовать нанести его боевой эскадре решительный удар, если противник успел уже или намеревался высадиться на западном берегу Кореи. Попытка уничтожить приобретенный японским флотом успех, если при этом будет достигнута намеченная цель—оправдает даже тогда потерю части флота или вывод его из строя, так как при этом достигнется потеря и неприятельского флота. Но не следует терять из виду главную цель при этом: уверенность в конечном результате своих действий, с сохранением, как можно больше, своих морских сил, чтобы оставаться хозяином Желтого моря и быть постоянной угрозой высадке неприятеля. Это и должно лечь в основу всех составляемых планов, а никоим образом не рискованные предприятия, хотя бы и более

¹ Вообще, эта часть плана, касающаяся возможных операционных направлений японских десантных армий, почти оправдалась в действительности.

смелые, каких, наверное, от флота будет ждать общественное мнение. Потеря же в первый период войны флота, даже оставшись победителем, может повлечь тяжелые последствия, если при этом не будет достигнуто конечных результатов“.

В этих последних указаниях характерно выступает продолжительное отношение командования к задачам флота. В них можно различить опаснейшее направление его мыслей, которое уже в ходе кампании обрекло русский флот на ряд неудач, а затем и на гибель: это пагубное стремление избежать риска, система выжидания и та глубоко пассивная тенденция, которая воспитывалась даже в планах, несмотря на наступательные цели, допускавшиеся последними.

Этот план остался в силе, несмотря на увеличение состава Тихоокеанской эскадры присоединившимися в ноябре 1903 г. лин. кор. „Цесаревич“ и бр. кр. „Баян“. ¹

Что касается сухопутных планов, то такие в штабе разрабатывались в двух местах: в штабе командующего Приамурским военным округом, и в штабе Квантунской области. План, разработанный штабом Приамурского округа в общих чертах, сводился к следующему: в основу было положено предположение, что флот не помешает свободной высадке десанта, что главные операции японцев будут направлены на Порт-Артур; что против Владивостока они ограничатся демонстрацией, что наиболее вероятный район высадки у Инкоу, почему считалось уже за успех, если его удастся принудить к высадке у Ялу. Считалось, что боевая численность японских войск не превысит 122 т.

Русская армия к моменту начала войны предполагалась в составе (в Манчжурии) 28 тыс., вследствие чего для первого времени был предположен оборонительный образ действий, перейдя в наступление только тогда, когда будет сосредото-

¹ Между тем, в Главном морском штабе, который не был посвящен в планы, вырабатывавшиеся в штабе заместителя на Дальнем Востоке, шла работа над этим же вопросом. Там весьма пессимистически смотрели на положение флота в Артуре. Вывод Главного морского штаба сводился к следующему: „Японский флот несколько сильнее русских морских сил Тихого океана, находится в значительно лучших против нас условиях в отношении своего расположения на театре военных действий и располагает подавляюще превосходными против русских сил всякими материальными ресурсами. Записка одного из сотрудников штаба, кап. 1 ранга Брусилова (впоследствии первого начальника морского генерального штаба) прямо говорит, что „выгоднее теперь избежать войны, ценою даже значительных уступок, но вместе с тем теперь же твердо решить объявить Японии войну через два года, и энергично вести подготовку к этой войне, в широком смысле этого слова. Готовиться следует не только к войне, но непременно к победе“. Тот же пессимизм был присущ разборам возможной войны при военно-морских играх в Морской академии.

чено на южно-манчжурском театре 145 тыс. против 122 тыс. японских, что ожидалось на шестом месяце войны.

План, выработанный в Квантунской области, оборону области сводил к защите Киньчжоуского перешейка и далее—позиций по направлению к Артуру.

Затем, однако, план военных действий в Манчжурии был изменен. В основу нового плана легла справка, данная адмиралом Витгефтом о степени сопротивления нашего флота японскому десанту, в которой он сообщал, что: 1) высадка неприятелем десанта в Инкоу, кроме отдельных судовых партий—невозможна; 2) высадка в Корейском проливе также немыслима; 3) если же наш флот будет предварительно разбит, то задержать высадку или значительно замедлить ход ее операций уже невозможно, и роль остатков флота будет—производить тревогу и частые нападения на его морские сообщения единичными судами и миноносцами. „Но возможности разбития нашего флота японским в районе Желтого моря и Корейского пролива даже при теперешнем соотношении сил, я лично не допускаю“,—писал Витгефт.

Новый сухопутный план намечал сосредоточение главных сил на линии Хайчен—Ляоян и выставление авангардов к реке Ялу. Сущность предстоящих в первый период операций сводилась к обороне фронта, обращенного в сторону Японии и имевшего на флангах Владивосток и Артур, а в центре—линию Ляоян—Хайчен—место сосредоточения сил на Дальнем Востоке. Наибольшая численность японской армии признавалась по этому плану 156 бтл., 56 эск., 684 ор. и 13 инж. батальонов, при чем в расчет брались только полевые войска; ни о резервах, ни о запасных японских частях не упоминалось. Исходя из определенной численности японской армии, план предполагал, что японцы, развивая главный удар по одному из направлений, выставят против другого объекта действий простой заслон.

Сухопутными штабами вопрос о действиях морских сил за это время не рассматривался. В противоположность предыдущим планам считалось, что господство на море никоим образом не будет приобретено японцами, что сосредоточение наших войск на линии Ляоян—Хайчен пройдет беспрепятственно, в полной безопасности и что нигде и ни разу, вплоть до подхода к нам дальнейших подкреплений, мы не будем иметь перед собой такого превосходящего по силе врага, который мог бы совершенно не позволить выполнить ту или иную из задач, возложенных на наши отряды.

Новый план, одинаково с морским планом, предусматривал лишь нормальный случай состоявшегося объявления войны той или другой из сторон и не останавливался на случае,

если бы Япония без формального разрыва уже начала осуществлять часть тех задач, которые предстояли ей в первый период войны.

В докладе царю военного министра Куропаткина о плане войны (летом 1903 года) он говорит... „мы должны держаться против Японии оборонительного образа действий, хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден—Ляоян—Хайчен, но отстоять южную Манчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны, как и два года тому назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев“.

Уже после объявления войны Куропаткин представил следующую записку о плане войны:

„План кампании должен быть простой:

- 1) Борьба флотов за главенство на море.
- 2) Десант со стороны японцев и противодействие ему.
- 3) Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил.
- 4) Переход в наступление:
 - а) вытеснение японцев из Манчжурии,
 - б) вытеснение японцев из Кореи.
- 5) Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием“.

Мы сравнительно подробно остановились на плане кампании русского флота и армии, хотя изложение самих событий предполагаем сделать вполне конспективно. Планы эти имели крупное принципиальное значение, ибо содержали в себе отправные взгляды командования и отношение его к задачам войны.

Рассматривая их, можем заключить:

- 1) План сухопутный и план морской не были согласованы между собой. Военное ведомство ограничивается формальным запросом начальника штаба Витгефта о том, что можно ожидать от флота (см. стр. 52) и далее не входит в рассмотрение действий флота. Сухопутный план рассматривается и утверждается в Петербурге, где ничего не известно о плане флота.

Морское командование, совершенно правильно оценивая обстановку за неприятеля и учитывая вероятные направления высадки, которые действительно оправдались, в то же время не сообразуется с сухопутным планом, что видно из того, что задачу противодействия высадке оно не связывает с мерой накопления русских сухопутных сил, решая ее отвлеченно.

Общее командование на месте было объединено еще до войны. Казалось бы уже поэтому должно было быть достигнуто тесное согласование этих планов, но по причинам, объяснение которым можно найти лишь в традиционном разрыве между работой сухопутных и морских штабов, такового произведено не было.

2) Сухопутный план—оптимистичен. Силы врага оценены с заведомым преуменьшением (не учтены резервы), причем сделан допуск с ошибкой против действительности, едва ли не в 10 раз (вместо предполагавшихся 122 тысяч, Япония к концу войны имела под знаменами около миллиона). Допущено предположение, что ничто не будет мешать спокойному сосредоточению русских войск в Манчжурии, и что они не потерпят ни одного поражения, прежде, нежели оно будет закончено.

Совершенно противоположно настроение морского плана. Здесь заведомо отбрасывается стремление к бою с японским флотом. Откидывается идея перенесения базы ближе к Корейскому проливу, не предусматривается оборудование маневренных опорных пунктов, хотя бы сколько-нибудь выдвинутых к вероятным путям перевозки японских войск. Флот остается в Артуре. Над всеми соображениями преобладает мысль о превосходстве японского флота.

3) В русском морском плане указывается на необходимость владения Желтым морем и прекращения японских перевозок на западный берег Кореи. Однако, эта формулировка задач тотчас дискредитируется указанием на самый характер действий, кои от флота требуются: стремление сохранить суда, не подвергая себя риску, итти в операцию только тогда, когда успех обеспечен верный, опасаясь потерь. Поэтому все указания плана носят условный характер.

Практика войн учит, что условные указания фактически приводят к тому, что в боевой обстановке, когда требуется категорическое решение, они оказываются несостоятельными и ведут к потере основных идей плана.

4) Русские морские силы оказались разделенными. Это разделение оправдывало бы себя лишь в том случае, если инициатива кампании принадлежала бы нам, если бы крейсерский отряд действовал энергично, пользуясь каждым моментом, чтобы атаковать противника и отвлечь на себя часть его сил, или—если бы главные силы, находящиеся в Артуре, действовали вполне активно, широко используя обстановку для нанесения удара противнику.

Но ни крейсера, ни, в особенности, Артурская эскадра не проявляли необходимой активности. Инициатива с самого начала была передана японцам, которые в этом случае получали все выгоды действий против разделенного, неэнергичного противника.

Составитель морского плана, адмирал Витгефт, против воли и желания, в силу случайно сложившихся условий, в ответственной период войны оказался во главе Артурской эскадры. Его деятельность интересно сопоставить с планом, им же составленным. Все те сомнения, которые мы здесь читаем, как бы между строк, или улавливаем в отдельных мыслях и выражениях, потом, в действительности, заслонили другие идеи плана и оказались главными основными побуждениями, приведшими к отказу от наступления, в принципе.

Таким образом, исходное положение, установленное планами войны, характеризуется следующими отправными точками:

а) оборонительная идея планов на сухом пути (наступление откладывается надолго до сосредоточения необходимых сил);

б) осторожное и неуверенное, в конечном счете тоже оборонительное, устремление оперативной мысли в морском командовании;

в) общий недостаток сил и средств, медленность их накопления;

г) отсутствие удобных и хорошо защищенных баз флота.

Эти отправные точки, в связи с известными дефектами самого командования, создавали чрезвычайно невыгодное положение для русских в начале войны. Инициатива была предоставлена противнику. Политика не только не создала выгодных условий, но само поведение руководителей иностранного ведомства предопределило чрезвычайную неопределенность отношения к войне, когда Япония уже твердо решила начать ее.

Здесь, в самых планах, вырисовывается призрак того конца, который 50 лет назад завершил кампанию на Черном море в Севастополе.

Очерк военных действий на море.

В общем ходе русско-японской войны на море намечаются следующие периоды, из коих каждый характеризуется своеобразной обстановкой:

1) Начало войны, нападение японских миноносцев на русскую эскадру и первые десантные операции японского флота.

2) Период, февраль—март, когда японцы делают отчаянные усилия, чтобы заблокировать русскую эскадру в Порт-Артуре, заградив вход на рейд, и готовят высадку следующих частей экспедиционной армии.

3) Период, апрель—май: высадка 2-й армии японцев, движение к Порт-Артуру и взятие Киньчжоу.

4) Июнь—июль: тесная осада Артура и попытки русской эскадры прорваться во Владивосток.

5) Июль—декабрь: агония Артура и гибель 1-й Тихоокеанской эскадры.

6) Втечение всего этого времени—действия русской Владивостокской эскадры.

7) Поход 2-й Тихоокеанской эскадры, закончившийся боем у Цусимы.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно остановиться на каждом из этих этапов, мы проследим лишь общий ход идей, руководивших, в зависимости от обстановки и складывавшихся условий, действиями русского морского командования.

Втечение всей кампании над русским флотом неотступно довлело одно основное задание: воспрепятствовать японским перевозкам, отрезать сообщение Японии с материком, для чего завладеть господством на море. Задание это не всегда сознавалось, от него делались большие отступления, но нам приходится именно с точки зрения этого задания оценивать действия русского флота, ибо в том было его главное назначение.

Начало войны. Выше, излагая историю начала Крымской войны, мы видели, какое пагубное влияние имело неопределенное политическое положение, когда правительство избегало решительных мер, отказывалось от активных операций, затягивало приготовления к войне и даже после того, когда она фактически началась, все еще лелеяло надежду избежать ее. Благодаря этому, была потеряна инициатива, в руки противника отдавалась возможность выбрать момент и самому начать войну с благоприятными шансами на успех.

Подобную же картину представляет начало и русско-японской войны. Несмотря на то, что 24 января дипломатические отношения между Россией и Японией, по инициативе последней, были прерваны, русское правительство продолжало питать надежду, что войны не произойдет. Распоряжений на случай начала военных действий сделано не было, и наша эскадра стояла на внешнем рейде Порт-Артура, как в мирное время, не приняв необходимых мер охранения. При этом наместник сообщил начальнику эскадры, что „он имеет уведомление о том, что прекращение переговоров не означает войны и что есть основание, что войны не будет“.¹

В это время в Петербурге адмирал Макаров, бывший тогда главным командиром Кронштадтского порта, подал Управляющему Морским министерством записку, в которой указывал на опасность оставления эскадры на внешнем рейде

¹ Русско-Японская война, изд. Генмора, т. I, стр. 184.

Порт-Артура, где она подвержена атакам миноносцев, доказывая необходимость принять меры охранения. Почти одновременно начальник главного штаба, ген. Сахаров докладывал военному министру о неизбежности, по его мнению, войны, советуя нашему флоту не ждать нападения японцев и самому перейти в наступление. Но эти предупреждения результата не имели.

В Порт-Артуре была собрана не вся эскадра. В Чемульпо стоял посланный туда в распоряжение русского консула крейсер I ранга „Варяг“, там же находилась в качестве стационара канонерская лодка „Кореец“. Канонерская лодка „Манджур“ была в Шанхае. Им не было дано приказание идти на соединение в Порт-Артур.

В то время, как русское правительство принимало запоздалые меры к улажению конфликта, Япония твердо решила начать войну без объявления ее.

Японский план, построенный на идее стремительного развития операций, не дожидаясь сосредоточения русских сил, не допускал иного решения. Япония сразу, одним ударом, внезапной атакой русской эскадры предполагала захватить господство над морем и тотчас выбросить первые эшелоны войск в Корею, чтобы обеспечить возможность дальнейшей высадки и развертывания японских армий.

24 января Того, командовавший соединенным японским флотом, находившимся в этот момент в Сасебо, получил приказание начать военные действия. 25-го он вышел в море, имея целью атаковать русскую эскадру в Порт-Артуре, а „Варяга“ и „Корейца“ в Чемульпо, где одновременно должен был высадиться передовой отряд японских войск для занятия Сеула.

Того имел исчерпывающие сведения о состоянии русского флота и, видимо, рассчитывал на сокрушающий результат своей внезапной атаки.

В ночь на 26 января русская эскадра была атакована японскими миноносцами. В результате атаки были выведены из строя два лучших броненосца эскадры, „Цесаревич“ и „Ретвизан“ и крейсер I ранга „Паллада“. „Цесаревичу“ удалось войти во внутренний рейд, „Ретвизан“ же сел на мель в проходе.

Случилось так, как предполагал адмирал Макаров, предвидевший опасное положение эскадры на внешнем рейде. Эскадра стояла без мер охранения, некоторые суда грузили уголь и были освещены яркими лампами. Диспозиция эскадры была составлена таким образом, что в наружной линии стояли сильнейшие суда эскадры, более других подвергавшиеся опасности. Огонь по японским миноносцам был открыт поздно, так как их приняли за возвращавшиеся с моря свои миноносцы. В крепости произошла полная неразбе

риха: один из полков, думая, что это маневр, вышел по тревоге с холостыми патронами, на батареях долго не могли понять, в чем дело, и т. п.

Подробности минной атаки рисуют изумительную картину врасплох застигнутых крепости и эскадры.

На утро 27 января главные силы Того подошли к Артуру и имели перестрелку с нашей эскадрой и крепостью.

В тот же день, после боя японского отряда крейсеров у Чемульпо, „Варяг“ и „Кореец“ были затоплены на рейде своими командами.

Таким образом, японцы в первый день войны добились крупного успеха, весьма ослабив русскую эскадру.

Эта неудача тяжело сказалась на состоянии русского флота.

Мы уже видели при обзоре планов, что активные стремления русского морского командования были невелики, что над всеми его оперативными предположениями господствовало соображение о превосходстве сил японского флота. Теперь с выводом из строя двух сильнейших линейных кораблей и двух крейсеров, из коих один был утоплен, а другой поврежден, неравенство сил стало подавляющим, что в корне глушило наступательные планы нашего флота.

Того рассчитывал внезапным ударом уничтожить большую часть эскадры и тем самым сразу решить вопрос о господстве на море. Эта задача полностью ему не удалась. Корабли, как сказано, были выведены из строя, эскадра же уничтожена не была. Но был подавлен дух ее, была парализована воля к наступлению. Все планы и предположения о борьбе в открытом море с японским флотом, о стремлении не допустить высадку рассеялись сразу, и эскадра наша, уже без дальнейшей борьбы, уступила, на первое по крайней мере время, господство на море японскому флоту.

Японское командование не могло считать себя вполне удовлетворенным результатами атаки. Оно, несомненно, ожидало большего: не ослабления эскадры, а уничтожения значительной ее части, что обеспечило бы его дальнейшие операции по переброске войск на материк.

Теперь же ему приходилось считаться с фактом существования хотя и ослабленной, но все же боеспособной эскадры противника.

Неудача, нас постигшая, сопровождалась в то же время чрезвычайно сложным положением японского командования, которое должно было начать высадку, не имея абсолютного господства над морем. Японцы должны были, и притом спешно, развивать свои операции. Они не могли ждать и обязаны были идти на риск, сопряженный с перевозкой войск при неуничтоженном противнике.

Они не имели права и основания рассчитывать, что русская эскадра останется пассивной к их действиям на море.

Первые дни войны сопровождалась рядом дальнейших несчастий для русского флота. Он лишился заградителя „Енисей“, взорвавшегося на минном заграждении, им же поставленном; крейсера „Боярин“, также подорвавшегося на мине; несколько позже погиб один из миноносцев („Внушительный“). Эти потери еще больше сгустили то состояние моральной подавленности, которое сложилось после неудачного начала военных действий.

Вся энергия русского флота уходила на охранение рейда (броненосцы перешли во внутренние гавани), заграждение Талиенвана, организацию охранной службы и ремонт поврежденных судов. Боевые действия ограничивались стычками в районе Артура. Никакой разведки в море не производилось, освещались районы непосредственно перед рейдом, не далее.

Операции в открытом море не ставились целью.

Правда, проекты таковых операций были. Наместник в заседании 4/17 февраля высказал, „что неприятель, согласно имеемым сведениям, намерен высадить часть действующей армии на северном побережье Кореи и Печилийского залива, но что это временно задерживается льдом и есть вероятность, что прекращение действий против Артура следует объяснить уходом японского флота из Корейского залива для исправления судов, а потому—это наиболее благоприятный момент для производства демонстраций нашей эскадрой в шхерах у Чемульпо“.

Но это предположение осуществлено не было,—не было решимости и веры в его целесообразность. Флот продолжал оставаться в гавани.

Уезжая из Порт-Артура и передав временно (до прибытия назначенного командующим флотом адмирала Макарова) командование эскадрой адмиралу Старку, наместник дал директиву, основные пункты которой гласили:

1) „Ввиду значительного ослабления эскадры выводом из строя двух броненосцев и трех крейсеров в самом начале военных действий, главной вашей заботой должно быть сохранение броненосцев на случай решительных действий, сообразно обстоятельствам, одним из которых является необходимость воспрепятствовать высадке на побережье Ляодуня“.

„2) Для необходимого нравственного воздействия на неприятеля и стеснения его действий в Корейском и Печилийском заливах, а также с целью угрозы его сообщениям. Ваше Пр-во предпримете, сообразно обстоятельствам, со всей эскадрой усиленную рекогносцировку по направлению к шхерам у Чемульпо или к другому пункту по вашему усмотрению, предварительно осветив местность крейсерами и миноносцами“...

Этими директивами, а еще в большей степени подавленным моральным состоянием командования,—был предreshен пассивный образ действий. Проблематичная активная операция „в целях нравственного воздействия на неприятеля“, не являлась актом необходимости, была следствием определенного расчета и отводилась в область сомнительных предположений; опасение же (или запрещение) риска ставило под знак вопроса и самый выход в море.

Высадка Как выше было сказано, японцы должны были спешить с выполнением намеченных операций по переброске войск в Корею, берега которой еще были покрыты льдом, за исключением некоторых рейдов, которыми можно было воспользоваться для высадки десантов.

Стремление японского флота было направлено к тому, чтобы не выпустить русских из Порт-Артура и запретить эскадру. 10 февраля японцы предприняли попытку закупорить вход на Порт-Артурский рейд затоплением пароходов, которые должны были прорваться на рейд и затонуть в проходе. Попытка эта была отражена и не удалась. Проход остался свободен. Но реальное ее значение было уже в том, что она еще в большей мере содействовала угашению активной идеи русского командования, внимание которого приковывалось к обеспечению безопасности самого выхода на рейд.

Тем временем (14 февраля) закончила высадку в Чемульпо 12 дивизия.

Вслед за 12 дивизией должны были высадиться 2-я и гвардейская дивизии, которые составляли 1-ю японскую армию, имевшую задачей выдвинуться к реке Ялу, заняв этот рубеж ранее сосредоточения здесь русских войск. Высадка закончилась 18 апреля без помехи со стороны русского флота.

Период командования флотом адмирала Макарова. Тем временем в Артур спешил вновь назначенный командующим эскадрой адмирал, Степан Осипович Макаров, выехавший из Петербурга, не дожидаясь даже выхода приказа о своем назначении.

Популярный в личном составе флота, выдвинувшийся своей энергией и знаниями среди других адмиралов русского флота, своим приездом (24 февраля) и первыми распоряжениями поднял дух эскадры, вселив уверенность в возможность исправить положение и перейти к активным действиям в море. Его кратковременное командование — единственный светлый период в истории боевой деятельности Порт-Артурской эскадры.

Макарову пришлось встретиться с множеством дефектов и с неподготовленностью эскадры в боевом отношении. Всю свою энергию он употребил на то, чтобы ускорить ремонт

поврежденных кораблей, дать эскадре необходимую практику в маневрировании и эволюциях.

Что же касается оперативных предположений адм. Макарова, то сущность таковых сводилась к следующему: 1) Пока суда не готовы, минировать подступы к Квантунскому побережью. 2) По мере усиления оборонительных средств, постепенно расширять район деятельности флота, сперва с помощью миноносцев и крейсеров, а с исправлением „Цесаревича“ и „Ретвизана“ ввести в действие и линейный флот, с которым направить удар на главные силы противника, с целью принудить его принять решительное сражение. 3) В случае, если на стороне неприятеля будет значительное тактическое превосходство и преимущество в силах, задачей флота будет стремление удерживать за собой владение прилегающих к Квантуну вод, угрожая коммуникационным линиям противника и стараясь с помощью частых и неожиданных нападений и поисков ослаблять силы его, имея главной задачей задержать высадку армий на материк. 4) Организовать связь с Владивостокским отрядом крейсеров для действий на путях сообщения в Корейском проливе против транспортов с десантными армиями и побережья, что естественно должно было отвлечь часть неприятельского флота от Порт-Артура.

Характерно отметить эпизод, вызвавший обмен мнений Макарова и наместника относительно активных операций эскадры.

По полученным агентурным сведениям, японцы намеревались в начале марта приступить к десантным операциям в районе Инкоу. Считая весьма вероятным, что Инкоу будет служить местом сосредоточения высаживаемого десанта, адмирал Макаров решил немедленно приступить к минированию входа в реки Ляохе и Ялу и одновременно сообщил наместнику, что в случае появления транспортов у берегов Квантуна, в сопровождении неприятельских главных сил, он считает необходимым выйти со всей эскадрой навстречу противнику и дать бой с целью заставить его отступить с транспортным флотом.

Получив это донесение, наместник 10 марта ответил, что „выход флота для противодействия высадкам неприятеля на побережье Лиаотунга он признает как крайнюю меру, так как результат боя с значительно превосходящими силами неприятеля грозит большими и крайне чувствительными потерями“... Кроме того он указывал на необходимость самого тщательного сохранения флота, особенно броненосцев, до того времени, когда „участие флота может довершить скорейший успех и нанести неприятелю решительное поражение“.

Таким образом, устанавливалось существенное несоответствие взглядов Алексеева и Макарова на характер предстоящих действий флота.

Того, ввиду неудавшийся операции заграждения входа в Артур 12 февраля, предполагая скорое окончание исправления поврежденных русских судов и поднятие в связи с прибытием адмирала Макарова духа на русской эскадре, „чтобы не дать неприятелю оправиться, решил снова тревожить его атакой“...¹

25 февраля ночью японские миноносцы прошли на внешний рейд Артура, не найдя, однако, там больших судов. Утром произошли бои между русскими и японскими миноносцами. Тем временем подошел Того и днем 26 февраля перекидной стрельбою через Ляотешань бомбардировал внутренний рейд Артура, при чем был вновь поврежден броненосец „Ретвизан“.

Адмирал Макаров, собрав после бомбардировки флагманов и командиров, высказал свое твердое намерение приступить к активным действиям на море, с целью овладения прилежащим к Артуру районом, организовав возможно частые выходы всей эскадрой, как для боевых действий, так и для недоставшей ей практики. Первый выход он решил на следующий день 27 февраля.

В этот день эскадра, в составе 4 броненосцев, 4 крейсеров и миноносцев, днем крейсеровала в районе Артура. Это был первый ее выход после атаки 26 января.

На японцев выход эскадры, о котором Того получил сведения 1 марта, произвел большое впечатление. В этот момент операция перевозки 1-й армии была на полном ходу, и Того имел основание опасаться, что русская эскадра может помешать ее выполнению.

9 марта Того выслал миноносцы в атаку на Артурский рейд, и с главными силами предпринял его бомбардировку из за Ляотешаня. Наша эскадра под флагом Макарова вышла на рейд с намерением, ввиду превосходящих сил противника, дать бой в районе действия береговых батарей. Из гавани „Ретвизан“ и „Победа“ успешно отвечали на огонь японцев. Того боя не принял и ушел в море.

Быстрый выход эскадры, успешная стрельба ее свидетельствовали, что эскадра оживает и становится все более боеспособной. Это вызвало необходимость со стороны японцев решительных мер. Того стал готовиться к повторению заградительной операции. Надо было спешить, так как Макаров развивал энергичную деятельность.

13 марта русская эскадра вновь выходила в море.

В ночь на 14 марта 5 японских пароходов-заградителей ворвались на рейд под прикрытием миноносцев. Но их атака была отражена, они затонули в стороне от выходного фарватера.

¹ „Военные действия на море в 37—38 г., Мейдзи“, т. I, стр. 97.

Утром 14-го Макаров с эскадрой вышел на рейд. Того, убедившись в безуспешности операции, вернулся в базу, отдав распоряжение о подготовке новой партии заградителей, на этот раз в большем числе.

Между тем, Макаров решил произвести разведку и обследование о-вов Эллиот, послав туда миноносцы. Это привело к стычке между русскими крейсерами и японцами.

За время до 31 марта эскадра выходила еще два раза в море для практики и ища случая встречи с противником невядалеке от Артура. Того эти выходы рассматривал, как подготовку прорыва эскадры во Владивосток, и соответственно с этим вел усиленное охранение Корейского пролива.

30 марта ночью в сильную пасмурность японские миноносцы поставили минное заграждение на рейде Порт-Артура, не будучи обнаружены дозором. На батареях видели подозрительные силуэты в море, но Макаров не разрешил открывать огня, предполагая, что это наши миноносцы, бывшие в море и вернувшиеся из-за пасмурной погоды, но держащиеся в море согласно данного им приказа не входить в гавань до рассвета.

Утром был выслан крейсер („Баян“), обнаруживший в море неприятельский крейсерский отряд, с которым вступил в перестрелку. Это был третий боевой отряд японского флота, имевший целью демонстративно вызвать выход русской эскадры на загражденный рейд. В море находился и сам Того с главными силами своего флота.

План этот японцам удался.

Адмирал Макаров тотчас выслал крейсера и приказал броненосцам разводиться пары.

Первым вышел Макаров на „Петропавловске“, за ним „Полтава“. Остальные броненосцы несколько задержались.

„Петропавловск“, „Полтава“ и крейсера („Аскольд“, „Баян“, „Диана“, „Новик“) пошли по направлению на японские крейсера. Однако, скоро были обнаружены главные силы японского флота, в составе 6 броненосцев и 2 броненосных крейсеров. Макаров повернул к Артуру, отпустил миноносцы, а сам, находясь милях в двух от берега с вышеупомянутым отрядом, лег на Ost с намерением принять неравный бой с японской эскадрой под прикрытием береговых батарей.

Но в этот момент „Петропавловск“ коснулся мины заграждения. Произошел взрыв, сопровождавшийся детонацией погребов, и „Петропавловск“ в несколько минут затонул. На нем погиб и адмирал Макаров.

Вместе с ним погибла и та свежая струя, тот бодрый дух и надежды, которые он принес с собой.

После Макарова события пошли по пути, который уже был проложен в первые дни войны и который роковым образом увлекал эскадру к ее гибели.

В командование флотом, до прибытия вновь назначенного на эту должность адмирала Скрыдлова, вступил наместник ген.-ад. Алексеев.

Состояние материальных сил флота после гибели адмирала Макарова было весьма тяжелым: из 6 броненосцев — 4 были неисправны; вполне готовы лишь „Полтава“ и „Пересвет“. „Ретвизан“ и „Цесаревич“ все еще чинились после повреждений, полученных ими при минной атаке 26 января; „Победа“ 31 марта была повреждена на mine, „Севастополь“ после столкновения с „Пересветом“ 13 марта имел поврежденный винт. Из крейсеров только „Паллада“ в полной исправности, остальные нуждались в текущем ремонте, „Амур“ — получил пробоину от прикосновения к затопленному на рейде пароходу. Из 22 миноносцев только 13 были исправны.

Между тем, неприятель после бомбардировки 2 апреля сблизился Артура не показываясь; он деятельно готовился к третьей попытке заградить вход в Артур пароходами. О намерении японцев произвести новую атаку на Артур русские были хорошо осведомлены из многих источников и принимали меры по обеспечению входа на рейд.

Положение высадившихся японских войск было в это время следующее: 1-я армия под начальством Куроки была высажена вся, и подерживаемая с моря 7-м боевым отрядом, двигалась на север к реке Ялу. 18 апреля произошел неудачный для русских Туренченский бой, и японская армия вступила в Манчжурию.

Японская главная квартира сформировала уже 2-ю армию под командой Оку, которая должна была одновременно с заграждением входа в Артур высадиться на Ляодунский полуостров в бухте Энтоа, в 23 милях от Талиенвана.

До выяснения результатов операций флота 2-я армия, будучи посажена на транспорты, была сосредоточена у устья р. Тайдон (Цинанпо).

Задача обеспечения войск ложилась на главные силы японского флота. Развертывание последнего сводилось к следующему:

1) Для обеспечения со стороны Владивостокского отряда был переведен в Корейский пролив 2-й боевой отряд адм. Камимура (броненосные крейсера).

2) 7 боевому отряду (старые суда) приказано совместно с канонерскими лодками итти в Цинампо и оттуда к Энтоа, где вместе с особым отрядом войск, для этой цели предназначенных, овладеть пунктом высадки адмирала Катаока (5 эск.), вместе с специально назначенными судами охранять и конвоировать транспорты.

3) Сам Того с главными силами предполагал итти к Артуру, прикрыть вход на рейд и действовать против русской эскадры.

Для обеспечения операций адмиралом Того были приняты две меры. Первая—это посылка пароходов-заградителей в ночь на 20 апреля для закупорки входа в Артур, вторая—оборудование промежуточной базы на островах Эллиот.

В ночь на 20 апреля состоялась третья попытка заграждения входа в Артур. Однако, несмотря на то, что она была подготовлена особенно тщательно и в операции участвовало 12 оборудованных пароходов, полное заграждение не удалось, и фарватер остался чист.

20 же апреля 1 эшелон армии Оку на 26 транспортах вышел из Цинампо в бухту Энтоа. Ввиду тумана, этот десант задержался в море и только на следующий день продолжал свое движение.

В 5 ч. 10 мин. вечера 21 апреля головные части транспортного отряда были обнаружены русскими наблюдательными постами у о-вов Эллиот. 22 апреля в 4 ч. 50 мин. утра эти суда появились у Бидзиво, а через час подошли и главные силы.

Наши наблюдательные посты отошли и с русской стороны некому было даже наблюдать за высадкой японцев.

Японцами за сутки совершенно беспрепятственно была высажена 1-я японская дивизия, которая и заняла ближайшие горы и высоты.

На другой день тайфун развел сильную волну, и высадку пришлось приостановить, возобновив ее только к вечеру.

24 апреля высадка еще продолжала быть затруднительной, 25-го же была высажена другая дивизия. 30 апреля были высажены все войска передового отряда армии Оку, около 50.000 человек при 216 орудиях. На перевозке было занято 83 транспорта.

Таким образом, в течение 10 дней, непосредственно вблизи Артура, в расстоянии от него нескольких десятков миль, японцами была выполнена операция высадки крупного десанта. Они оставались в убеждении, что выход русской эскадры невозможен вследствие затопления транспортов. Но это не отвечало действительности: русская эскадра могла, но не имела намерения выйти. Ее линейные суда и миноносцы оставались безучастными зрителями происходившей высадки.

Между тем, ввиду угрозы перерыва сообщений с Артуром, наместник был вызван в главную квартиру. До прибытия вновь назначенного командующего флотом адмирала Скрыдлова, он поручил временное командование к.-а. Витгефту. Этому временному начальнику и пришлось руководить действиями нашей эскадры до ее конца.

Уезжая, наместник оставил Витгефту инструкцию, сущность которой сводилась к следующему:

1) „Ввиду значительного ослабления сил, активных действий не предпринимать, ограничиваясь производством ре-

когносцировок крейсерами и отрядами миноносцев для атаки неприятельских судов. При этом посылку тех или других обставлять такими условиями, дабы не подвергать их без нужды особому риску“.

„Считаю, что посылка миноносцев совместно с крейсерами может быть произведена, как необходимость, в том случае, если неприятель будет высаживаться на побережье Квантуна, но в пределах возможности совершить переход миноносцами к месту атаки и возвратиться в Артур без явной опасности быть отрезанным от своего порта“.

2) „Одна из главных обязанностей должна заключаться в обеспечении свободного выхода в море. По этому вопросу В. Пр-ву известны все те инструкции и распоряжения, которые мною отдавались в вашем присутствии к.-ад. Лощинскому“.

3) „Для согласования взаимных действий по обороне крепости и укрепленного района вам надлежит оказывать всякое содействие коменданту крепости и начальнику укрепленного района г.-л. Стесселю“.

4) „Скорейшее исправление всех броненосцев и других судов должно составить предмет особой заботливости“.

Эта директива наметила курс мысли для дальнейшего руководства эскадрой. Опасение риска, чрезмерная осторожность, фиксирование внимания к защите рейда и содействию крепости—фактически приводили к отказу от активных операций, от всякой деятельности в море вообще. У нерешительного слабовольного начальника, каковым был адмирал Витгефт, эта директива окончательно сковала активный порыв, если бы такой и был у него. Позже сам наместник требовал наступательных действий, но командование Артурской эскадры, утвердившее свою идеологию в духе первоначальных директив,—к активности уже не было способно.

Вскоре (22 апреля) была получена телеграмма от наместника: „по имеемым сведениям, противник высаживается южнее Терминаль, в бухте Сицхао. При несомненном подтверждении этих известий, атаку его соединенными лучшими миноносцами обоих отрядов, в числе 10 или 12, признаю по настоящему времени своевременной и требующейся в интересах обороны, которой флот принесет чрезвычайную пользу. С исполнением сего сделать поддержку экспедиции крейсерами с присоединением к ним броненосца „Пересвет“, не подвергая однако последних явной потере, предоставляю вашему усмотрению“.

Витгефт ответил, что ... „так как вполне достоверных известий—где высаживаются, сколько транспортов и сколько охранных судов, не было и получились самые противоречивые данные, определявшие число транспортов от 15 до 80, то раньше посылки миноносцев с поддержкой крейсеров на столь серьезное и опасное предприятие, я вновь собрал

флагманов и начальников отрядов миноносцев, чтобы выслушать их мнение, так как даже при удаче мы лишились бы многих миноносцев и могли бы потерять крейсера тем же путем, каким потеряли Петропавловск“.

Это совещание, взвесив все трудности похода, решило сделать атаку миноносцев с поддержкой крейсеров на японские транспорты и флот только при дальнейшей высадке в районе тыла Кинь-Чжоуской позиции, с восточной стороны Квантунского побережья.

В тот же день состоялось другое совещание флагманов и командиров судов 1-го ранга по поводу приведенной выше телеграммы наместника, в которой были кроме того следующие указания:

„Производимая неприятелем высадка в Северной части области при одновременной блокаде большими морскими силами вменяет морякам священную обязанность, имея в виду возможность обложения крепости с суши, тесно сплотиться с войсками и единодушно стать на защиту убежища родного флота и крепости“.

„Передайте с судов необходимые орудия, снаряды и требуемую к ним прислугу и примите самые энергичные меры к быстрой организации перекидной стрельбы судовой артиллерии по подступам к сухопутному фронту...“

Согласно этой телеграммы было обсуждено, какие пушки возможно передать на берег.

Таким образом, само высшее командование посягнуло на разоружение флота.

На следующий день совещание решило считать посылку миноносцев в Бидживо рискованной.

Затем, 25-го опять совещание для обсуждения заявления генерала Стесселя, в котором он, ссылаясь на превосходство в море противника и безнадежность для флота боя в открытом море, а в то же время на необходимость защищать Артур всеми средствами и тем сохранить крепость и флот, предлагал оставить на судах только 12" и 10" орудия, все же прочие—8", 6" и т. д. снять и передать на усиление сухопутного фронта крепости.

На совещании было решено „передать крепости все орудия, которые только возможно“.

Таким образом, в то время, как японцы высаживали войска 2-й армии, опасаясь возможной атаки русских, в то время как абсолютное господство на море было для них исключительно необходимым, и успех десантных операций требовал полной безопасности со стороны моря, — в эти решающие моменты, флот наш мало того, что ничем не пытался противодействовать японцам, ограничиваясь лишь пассивной обороной, но в нем созрели тенденции, которые исключали применение флота в море и впредь.

Началось разоружение судов. Правда, было снято лишь немного мелких передних орудий, ими эскадра была незначительно ослаблена, но самый факт свидетельствовал о полном отказе от наступательных задач.

С 24 апреля японский флот перенес базу на острова Эллиот, оборудование рейда которых было к этому времени закончено. Первая японская эскадра блокировала Артур, третья—охраняла высадку.

При выполнении этих операций японский флот постигли многочисленные неудачи. Втечение нескольких дней у них погибли: миноносец № 48 и авизо „Мияко“, на минах в бухте Керр; крейсер „Иосино“ столкнулся с крейсером „Кассуга“ и погиб; крейсер „Тацута“—сел на камни, канонерская лодка „Осима“ столкнулась с „Акачи“, миноносец „Акацуки“—взорвался на mine.

Но самой тяжелой потерей японского флота в эти дни—была гибель двух сильнейших линейных кораблей „Хатсузе“ и „Ясима“ на минах, поставленных перед Артуром русским минным заградителем „Амур“.¹

Взрыв „Хитсузе“ и „Ясима“ наблюдался в Артуре. Но адмирал Витгефт не решился воспользоваться моментом и атаковать деморализованного и ослабленного противника. Он только через два часа выслал миноносцы, которые, не будучи поддержаны крейсерами и броненосцами, оставшимися на рейде (за исключением вышедшего „Новика“), были легко отогнаны японцами.

¹ Японский блокирующий отряд систематически появлялся перед Артуром, причем точного наблюдения его курсов обычно не велось. Командир „Амура“, имея в виду желательность постановки минного заграждения на пути японских судов, настоял на организации наблюдения и нанесении на карту их мест.

Хлопотами того же командира ему удалось добиться разрешения на постановку мин, причем адмирал Витгефт колебался ставить мины вне территориальных вод, опасаясь международных осложнений... („История Русско-Японской войны на море“, том II). 1 мая около 1 часа 30 мин. с сигнальной станции на Золотой горе сообщили о появлении блокирующего отряда японцев. Начальник минной обороны, которому непосредственно был подчинен „Амур“, адмирал Лошинский, не решаясь взять на свою ответственность высылку „Амура“, доложил адмиралу Витгефту о наступлении удобного момента... Он просил разрешения послать „Амур“. Адмирал Витгефт ответил на это: „минная оборона—ваше дело, если вы находите полезным и удобным, то высылайте“. После такого уклончивого ответа адмиралу Лошинскому оставалось только отдать приказание о походе командиру „Амура“. В 2 ч. 25 мин., т.-е. час спустя после того, как противник был обнаружен, „Амур“ вышел, по сигналу Витгефта: „Амур“ итти по назначению. Итти осторожно*.

Вот при каких обстоятельствах была решена операция, приведшая к большому успеху, который, будучи эксплуатирован, мог бы послужить поворотным пунктом кампании на море. Менее всего в этом успехе повинно командование эскадрой; это дело надо целиком отнести к инициативе командира „Амура“, кап. 2-го ранга Ф. Иванова 6-го. „Амур“ поставил мины, на которых на другой день 2 мая погибли два вышеуказанных японских броненосца.

Это значительное ослабление японского флота прошло без влияния на ход событий у Артура. Верный строго оборонительным тенденциям, боясь риска и находясь под давлением предвзятой мысли о необходимости ограничиваться лишь содействием местной обороне Артура, адмирал Витгефт отказался от широких возможностей, каковые ему представлялись обстановкой этих тяжелых для японского флота дней.

Между тем, 2-я японская армия высадилась на Лаодунь и части ее, не встречая сопротивления со стороны русских, отошедших на Квантунский полуостров, подошли к Киньчжоу.

13 мая, после боя, Киньчжоу был взят. Это знаменовало собой приближение тесной осады Порт-Артура.

Морское командование в Артуре сознавало это. Положение флота сразу же было признано критическим. Возникал вопрос как быть дальше.

С момента падения Киньчжоу происходит перелом в направлении мыслей командования. Теперь у Артурского командования не возникает идей об операциях, имеющих сколько-нибудь систематический характер против японского флота, с целью стеснения его действий. Теперь вопрос ставится о спасении флота.

Единственный способ спасти флот главное командование видело в прорыве во Владивосток. Но эта мысль встречает противодействие со стороны командовавшего эскадрой адмирала Витгефта, поддерживаемого группой флагманов и командиров, считавших, что выход флота в море влечет за собой его неизбежную гибель.

На другой день после взятия Киньчжоу, Витгефт собрал совещание для обсуждения:

„Выходить ли по готовности в море для прорыва во Владивосток или же для того, чтобы найти неприятеля и дать ему бой? Оставаться ли в бассейне и принимать участие в обороне Артура до последней возможности, после чего выйти в море для боя с противником?“.

Большинство склонялось к тому, что „флот не может и не должен оставлять Артур“ (в меньшинстве были некоторые командиры, в том числе и Эссен, настаивавший на выходе флота для прорыва). Сухопутные начальники, в особенности Кондратенко, держались мнения о необходимости флоту прорваться. Стессель считал необходимым действовать активно, но базируясь на Артур.

25 мая, ввиду готовности „Победы“, Витгефт спрашивал наместника „выходить ли в море, как того требует Стессель, считая положение Артура без этого критическим? Выход еще не вполне чист от мин, орудия на судах все“.

На это наместник ответил: „крепость упорной обороной и вашим содействием должна служить до последней степени

укрытием эскадры. Почему выход ее, непременно в полном составе, сообразуйте с обстоятельствами, обеспечивающими безопасность выхода и нанесение поражения неприятельскому флоту. Ввиду понесенных им потерь, мы можем рассчитывать на успех. Помните, что благоприятный исход морского боя может решить участь всей кампании в нашу пользу“.

Через несколько дней наместник сообщает: „принимаю все меры к скорейшей деблокаде Порт-Артура, но ввиду всякой случайности надо флоту, защищая крепость, готовиться к последней крайности—выйти в море для решительного боя с неприятелем, разбить его, проложить себе путь во Владивосток...“

В другой его телеграмме говорилось: „если по ходу осады явится сомнение в нашем успехе, то флоту важно выйти в море своевременно, и прежде наступления явной опасности потерять крепость, что подлежит обсуждению теперь же военного совета“...

Как на это реагировал адмирал Витгефт, можно видеть из телеграммы, посланной им 2 июня, где он говорит: „Раз признана важность, необходимость выхода эскадры хотя и с риском, выйду по готовности, уповая на бога. Лично не подготовился к столь ответственной обязанности... Считаю долгом высказать, что без флота армии не взять обратно Киньжоу, почему я и не соглашался на немедленный выход эскадры, несмотря на все заявления военных и заманчивость нанести удар японцам, что безусловно рискованно до очистки прохода“...

Наконец, после следующих настойчивых указаний, когда исправление кораблей было закончено и эскадра могла выйти в полном составе, он телеграфировал: „Да поможет мне бог честно выполнить ответственную перед царем, Россией и совестью обязанность, которую лично не искал. Выхожу сообразно высокой воле около десятого.. В случае смерти прошу похлопотать о жене, личных средств не имею“...

Из этой телеграммы видно, с каким настроением адмирал Витгефт шел на прорыв во Владивосток; полное падение воли, отсутствие какой бы то ни было веры в успех — не предвещали, конечно, успеха предприятию.

10 июня в 4 часа утра наши суда начали выход эскадры. вытягиваться на рейд.

Флот вышел в полном составе: „Полтава“, „Пересвет“, „Севастополь“, „Победа“, „Ретвизан“, „Цесаревич“, крейсера: „Баян“, „Паллада“, „Новик“, „Диана“, „Аскольд“ и 8 миноносцев.

Цель выхода, по донесению Витгефта наместнику, состояла: „успеть уйти на ночь в море подальше от миноносцев, рассчитывая, что флот неприятеля слабее нашего, согласно сведениям штаба, и находится в разных местах Жел-

того моря и Печили. Днем итти к островам Эллиот и, отыскав неприятеля, атаковать его в полном составе или частями...

Длинные приготовления, медленный выход судов на рейд были замечены японскими судами, несшими наблюдательную службу в районе Артура.

Через несколько часов японский флот, в составе 4 броненосцев, 4 броненосных и 10 легких крейсеров и значительного количества миноносцев, был стянут к русской эскадре. Около 7 часов флоты пришли на вид друг другу.

Определив силы противника, адмирал Витгефт решил, что таковые значительно превосходят силы нашего флота, и после перестрелки с дальней дистанции повернул к Артуру. Японцы бросили свои миноносцы в атаку, которая, однако, успеха не имела.

На обратном пути броненосец „Севастополь“ коснулся мины заграждения и получил пробоину, но остался в строю.

Таким образом, робкая попытка адмирала Витгефта прорваться во Владивосток успеха не имела.¹

Наместник остался недоволен действием эскадры и писал Витгефту, что он не довел дело до конца, не остался непреклонным в исполнении намеченного плана, сообразно коему эскадра могла доблестно исполнить свой долг. Далее, он предписывал: „немедленно изготовить суда к выходу в море, приняв по всем частям полные запасы и поддерживая их постоянную готовность и снабжение. Сообразно обстоятельствам, оказывать всеми судами возможное содействие обороне. Это содействие непременно должно выражаться в активных действиях всей эскадры или отдельных ее частей, т.-е. крейсеров, лодок, миноносцев. При этом, однако, эскадре можно оставаться в Артуре лишь до того времени, когда крепость, пользуясь полной обеспеченностью от взятия открытой силой или ускоренной атакою... В случае предвидения обстоятельств, упомянутых в предыдущем пункте, эскадре, не дожидаясь исправления „Севастополя“, надлежит заблаговременно выйти в море и не вступая в бой, если это окажется возможным, проложить себе путь во Владивосток... Наконец, если присутствие эскадры в Артуре не может приносить пользы в смысле его обороны, то тотчас

¹ Силы встреченного противника были переоценены Витгефтом. В действительности, если не считать старых японских судов, так как боевое значение последних было ничтожно, русская эскадра имела преимущество перед японцами в числе линейных кораблей—6 против 4, каковое не могло быть компенсировано наличием у последних 4 броненосных крейсеров против одного „Баяна“.

Отношение судовой артиллерии сторон было следующим:

	Пушки		
	12" и 10"	8"	6"
Русские	23	20	120
Японские	17	2	87

по исправлении „Севастополя“, выйти в море, и, как выше указывалось, итти во Владивосток“.

В письме Витгефту наместник, между прочим, писал... „Какой бы ни был успех, без успеха на море он не будет иметь значения. Между тем, все, что на море, производит большое впечатление в Японии. Уничтожение трех транспортов нашими крейсерами¹ вызвало целую панику, а равно и выход эскадры из Артура. А что, если бы вы уничтожили половину японского флота, это могло бы сравниться с вероятным уничтожением японских армий в Манчжурии! Считаю, что даже переход во Владивосток перенес бы центр тяжести в нашу пользу, и Артур без нашей эскадры не представляет той добычи, о которой так мечтают японцы... Не пропускайте благоприятной минуты снова выйти с вашей эскадрой, но только без возвращения на артурский рейд...“

Наконец, приказание о выходе эскадры было подтверждено от имени царя.

28 июля эскадра вышла. Одновременно, Витгефт послал на миноносце „Решительный“, через Чифу, следующую телеграмму царю: „согласно повеления в. и. в. переданного наместником мне телеграммой, выхожу с эскадрой прорываться во Владивосток. Лично я и собрание флагманов и командиров, принимая во внимание все местные условия, были против выхода, не ожидая успеха прорыва и ускоряя сдачу Артура, о чем неоднократно доносил наместнику...“

Никаких распоряжений на случай боя, никакого плана выработано не было, и эскадра, руководимая начальником, который смотрел на выход в бой, как на предпринятую против воли операцию, не имеющую шансов на успех,— конечно не могла победить, даже если бы обстоятельства и сложились для нее благоприятно...²

¹ См. ниже—Действия Владивостокских крейсеров.

² Бой 28 июля в Желтом море был предвестником Цусимы; та же директива—прорываться во Владивосток—привела в обоих случаях к поражению. Бой 28 июля не кончился таким разгромом, как Цусима, хотя привел к полному уничтожению 1-й Тихоокеанской эскадры, принужденной вернуться в Порт-Артур и погибшей вместе с падением крепости. Ни одно большое судно в бою не было потоплено; японские корабли потерпели столько приблизительно повреждений, как и русские, но слабая организация эскадры, лишившейся в критическую минуту боя командующего, привела к тому, что эскадра, не будучи разбита, рассыпалась и перестала существовать как единое целое. Фактическая сторона этого сражения была такова: с утра 28 июля эскадра начала вытягиваться на рейд; когда все суда вышли, она двинулась в море (схема № 7).

Японцы знали о предстоящем выходе, имея возможность непосредственно наблюдать приготовления русской эскадры. Их блокада была особенно усилена, и к моменту выхода эскадры почти все главные силы Того, за исключением отряда броненосных крейсеров под командой адмирала Камимур, посланного в Корейский пролив для охраны от русских крейсеров,—были в сборе.

В результате боя 28 июля, вернувшаяся в Артур часть эскадры была уже неспособна к выходу в море. Корабли имели повреждения, их состав значительно уступал блокирующему японскому флоту. Дальнейшая история русской 1-й Тихоокеанской эскадры—это ее агония, завершившаяся утоплением судов на рейде к моменту падения Порт-Артура.

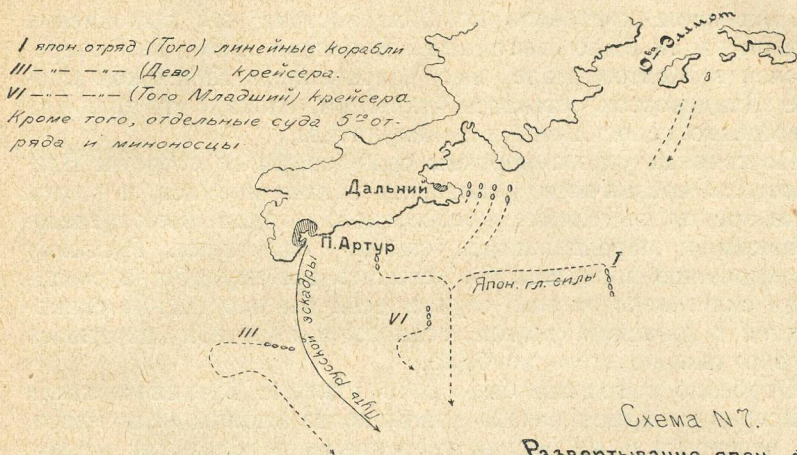

Схема № 7.
Развертывание япон. флота
при выходе русской эскадры
из П. Артура 28/VII 1904 г.

Схема движений японского флота в момент выхода русской эскадры из Порт-Артура.

1-й японский отряд линейных кораблей, под командой Того, вышел навстречу русской эскадре, напересечку ее курса. Бой начался в тот момент, когда строй русских был изогнут, так как она огибала какие-то предметы, которые были приняты за мины заграждения. Того имел намерение завлечь русскую эскадру в море, не дав ей возможности вернуться в Артур. Есть предположение, что он хотел дать бой совместно с Камимурой, доведя русскую эскадру до Корейского пролива, где находился последний.

С самого начала боя Того сделал ошибку, слишком долго продержавшись на контра-курсе, чем дал возможность русской эскадре выйти в море скорее его, и путь ей был открыт. Лишь преимущество японцев в ходе позволило исправить эту ошибку, два часа спустя. Но эти два часа для боя были потеряны.

Таким образом, после первого боевого столкновения наша эскадра ушла, японцы преследовали ее.

Сражение возобновилось около 6 часов вечера, когда японцы догнали на дистанции огня. Бой начался с равными шансами, японцы терпели столько же, сколько и русские. В частности „Миказа“ был сильно избит и имел существенные повреждения.

Однако, вскоре после начала боя, 12" снаряд попал в рубку „Цесаревича“ и убил находившегося около рубки на мостике адмирала Витгефта, перебил или ранил часть его штаба. Тем же снарядом у „Цесаревича“ заклинило рулевой привод... Произошло замешательство. Следующий корабль, „Ретвизан“, повернул на противника и пошел „с намерением таранить“ один

Действия Вла- План русского командования предусматри-
дивостокских вал выделение особого крейсерского отряда
крейсеров. с базой во Владивостоке. Его назначением
(См. сх. № 8). были действия со стороны Японского моря
на коммуникационные линии противника, по
которым шла перевозка войск и снабжение армии из Японии
на материк.

Положение крейсеров во Владивостоке для выполнения
этих операций было выгодным. Японский флот был сосре-
доточен в Желтом море, имея охранение в Корейском про-
ливе. Владивосток оставался открытым, блокада его являлась
совершенно непосильной для неприятеля.

Постоянная угроза морским сообщениям со стороны Вла-
дивостока чрезвычайно осложняла задачу японцев, и с этой
точки зрения выделение крейсерского отряда было целесо-
образным и оправдавшимся самими событиями. Русскому
командованию пришлось бы испытать все неудобства разде-
ления сил только в том случае, если бы оно искало едино-
борства с японским флотом, если бы инициатива находилась
в его руках. Но этого не было.

Особенно выгодным было расположение Владивостокских
крейсеров в период начала войны, когда японцы вели массо-
вые перевозки и, не будучи уверенными в обладании морем,
должны были все свое внимание сосредоточить в Желтом

из кораблей его колонны. Маневр „Ретвизана“, принявшего на себя весь
огонь японской линии, несколько облегчил положение эскадры. За „Ретви-
заном“ последовала „Победа“, но вскоре повернула обратно. Затем на
„Ретвизане“ был ранен командир, который, не будучи в состоянии управ-
ляться сам, приказал повернуть на соединение с эскадрой.

На „Цесаревиче“ был поднят сигнал, передающий командование следую-
щему флагману, адмиралу кн. Ухтомскому. Последний совершенно не ожи-
дал того и растерялся. Флагманский его корабль „Пересвет“ был сильно
разбит и было затруднительно управлять эскадрой из-за отсутствия мачт.
С трудом Ухтомскому удалось сделать сигнал „следовать за мной“, и он
повернул к Артуру. Между тем, начальник крейсеров, адм. Рейнштейн,
понял, что настал момент прорываться самостоятельно во Владивосток и ре-
шил с крейсерами итти на прорыв через линию японцев. Прорыв удался
и крейсера вышли. Прорваться во Владивосток им не удалось, и они интер-
нировались, кроме „Новика“, который погиб после боя у Сахалина.

„Цесаревич“, отделившийся от эскадры, решил прорываться самосто-
ятельно во Владивосток, но зашел в Киаочжао, где и был разоружен. Остатки
русской эскадры возвратились в Порт-Артур.

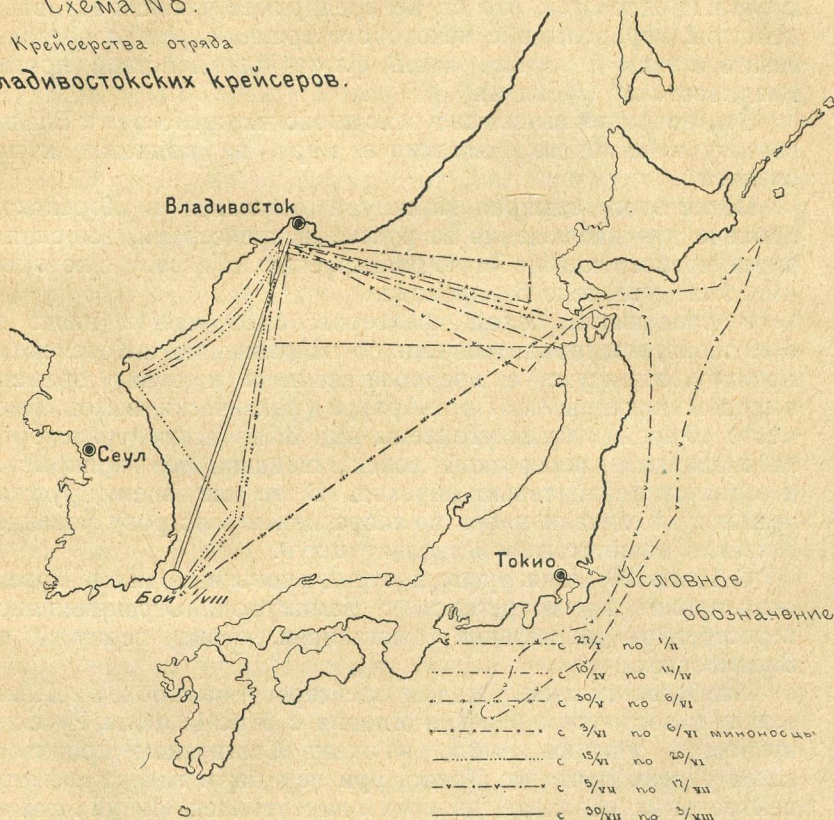
Действия японцев в этом бою нельзя признать искусными. Японцы не
использовали достигнутого успеха, ограничившись преграждением пути рус-
ской эскадре во Владивосток. Не их искусство или талант вождя решили
бой, а поразительная неподготовленность и дурное руководство русской
эскадрой. Преимущество японцев заключалось в том, что они наступали, у них
была определенная идея боя; русская же эскадра выполняла директиву,
в которую ни сам командующий, ни его ближайшие помощники не верили.

Японцы впоследствии широко использовали опыт этого боя и, им на-
ученные, совершенно иначе действовали в другом большом сражении — при
Цусиме.

море; они предоставили русскому крейсерскому отряду свободу действий, ограничившись заслоном в Корейском проливе в составе слабой 3-й эскадры из второстепенных и устаревших судов. Все пути до Корейского пролива и берегов Японии были открыты для действий русских крейсеров.

Их первый же поход, с 27 января (9 февраля) по 1/14 февраля, к Сунгарскому проливу, в течение которого они уни-

Схема N8.
Крейсерства отряда
Владивостокских крейсеров.

чтожили два торговых судна противника, вызвал большой переполох в Японии; однако, японцы лишены были возможности предпринимать что-либо против них, будучи связаны операциями в Желтом море.

Лишь после того, как они вернулись, Того выделил 2-й боевой отряд, усиленный двумя легкими крейсерами, в операцию против Владивостокских крейсеров, с целью, „смотря по об-

стоятельствам, дать бой или угрожать неприятельской эскадре и произвести демонстрацию у русских берегов". Вся операция второго боевого отряда выразилась в безрезультатной бомбардировке Владивостока. Эскадра вернулась на соединение к японским главным силам.

Затем, „ввиду поражения, которое потерпел неприятель за время с 13 апреля/30 марта по 15/2 апреля, когда погиб командующий флотом, один броненосец и один миноносец, адмирал Того, угадывая угнетенное настроение духа неприятеля и предполагая, что он не предпримет никаких активных действий впродолжение некоторого времени, решил воспользоваться этим и послать часть флота для действий против Владивостока“ (Мейдзи).

Эта операция вылилась в рейс японских крейсеров к Владивостоку и постановку ими мин в море, на подходах к последнему.

После этого адмирал Камимура оставался в Корейском проливе для наблюдения за русскими крейсерами, выполнившими крейсерский набег по направлению к Гензану, в который ими было утоплено 3 парохода.

В следующий поход крейсеров, с 30 мая/12 июня по 6/19 июня, предпринятый ими по направлению к Корейскому проливу, согласуясь с предполагавшимся к этому времени выходом эскадры из Порт-Артура (фактически выход имел место 10 июня), были утоплены ими 3 японских транспорта, занимавшихся перевозкой войск, шедших без прикрытия, и захвачен нейтральный пароход. В то же время русские миноносцы сделали набег по направлению к острову Хокаидо, захватив и уничтожив несколько шхун.

С 15 по 20 июня русский отряд вновь выходил в Корейский пролив, где встретился с Камимурой. Ограничившись перестрелкой на дальних дистанциях, отряд вернулся во Владивосток...

Наиболее смелым походом крейсеров—был поход в Тихий океан, к восточным берегам Японии с 5 по 17 июля. Русским крейсерам удалось выйти в океан Сангарским проливом, сделать рейс почти до Токио, при чем были задержаны три нейтральных парохода, из коих один утоплен, и уничтожен один японский пароход.

Японская охрана пролива не могла препятствовать проходу русских крейсеров.

Наконец, в связи с выходом русской эскадры 28 июля, ей навстречу был выслан из Владивостока отряд крейсеров, который встретился с Камимурой в Корейском проливе 1 августа. Произошел бой, в котором был утоплен крейсер „Рюрик“, но и японские корабли, равно как и прочие наши, получили повреждения. „Россия“ и „Громобой“ вернулись во Владивосток.

Больше в далекие крейсерства отряд не выходил до конца войны.

На том и закончилась боевая деятельность Владивостокского отряда.

Поход 2-й Тихоокеанской эскадры и уни-
кадры и уни-
в Цусимском бою.

Русское правительство начало войну с уверенностью в своих силах, не будучи склонно видеть глубоких недочетов и дефектов, не чтожение ее предвещавших успеха кампании. Оно было уверено в благоприятном исходе войны.

Эта уверенность не покидала его и после первых неудач, ослабления нашей эскадры в Порт-Артуре и успешной высадки японских войск в Корею. Правительство надеялось, что армия, по завершении своего сосредоточения, остановит, а потом разобьет японцев, что флот, по исправлении поврежденных судов, вновь восстановит свое положение на море.

Петербург не слишком заботился об ускорении готовности судов, заканчивавшихся постройкой, и других, предназначенных итти в составе 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, на усиление Порт-Артурских морских сил.

Но когда случилась катастрофа с „Петропавловском“ и погиб Макаров, затем обнаружилась полная оперативная немощь 1-й эскадры, когда японцы успешно продвинулись к Артуру и приступили к тесной осаде его, а в Манчжурии японцы угрожали развить решительные операции ранее сосредоточения русской армии, отступавшей после ряда неудачных боев; когда двукратная попытка флота вырваться из Артура и перейти во Владивосток не удалась, при чем флот был фактически разбит в бою 28 июля, и Артуру угрожала опасность быть взятым, тогда только приготовления к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры пошли полным темпом.

В состав эскадры вошли все суда, находившиеся в Балтийском флоте из числа имеющих боевое значение. Не ожидая окончания приемных испытаний вновь выстроенных кораблей, не заботясь о тщательности оборудования их, не давая времени на обучение наскоро набранных экипажей, а эскадре в целом не давая боевых упражнений, ее торопили с выходом на Дальний Восток.

Дурно снабженная, неподготовленная, „несплававшаяся“ эскадра вышла в октябре под командой адмирала Рожественского по назначению, оставив часть судов, которые должны были догнать ее в пути.

Преодолев беспримерные трудности похода, лишенная возможности зайти в нейтральные порты для выполнения ремонта и отдыха команд, испытывая тягчайшие затруднения в снабжении углем, 2-я эскадра пришла на Мадагаскар уже в то время, когда было получено известие о сдаче Порт-Артура и гибели 1-й эскадры.

Казалось, вместе с этим отпадал и самый смысл дальнейшего ее похода. Состав эскадры не давал никакого основания рассчитывать на успех боя с сосредоточенными силами японского флота, превосходившими ее силу во всех отношениях. Ее дальнейшие боевые операции, без базы, без ремонта и при необеспеченном снабжении были безнадежны.

Но поход отменен не был. Рождественскому было приказано идти далее, бороться с японским флотом за обладание морем.

Так как несоответствие его сил поставленной задаче было очевидно, то Рождественскому на соединение выслали из России оставшиеся в Балтике старые суда, в составе отряда Небогатова. Эта помощь была ничтожна, она лишь задержала Рождественского. Проекты усилить его покупкой в Чили и Аргентине крейсеров не удались, равно как и оказалось невозможным выйти через Босфор Черноморскому флоту.

Рождественский пошел далее, имея целью прорваться во Владивосток.

В Корейском проливе он был встречен (14 мая 1905 года) соединенным японским флотом.

У Цусимы произошел бой.

2-я Тихоокеанская эскадра была уничтожена.

Это был логический конец безумной попытки с ничтожными средствами повернуть ход кампании.¹

Мы не берем на себя сколько-нибудь исчерпывающе формулировать опыт Русско-Японской войны на море, в ее многогранном содержании. Это был следующий крах русской стратегии, продемонстрировавший полную несостоятельность идей, направлявших развитие, подготовку и боевую работу русских вооруженных сил, в том числе и морских.

Не трогая других сторон этого опыта, отметим лишь некоторые моменты, имеющие принципиальное значение для интересующей нас темы—морской обороны.

Условием, имеющим главное значение в морской обороне берегов, является теснейшее взаимодействие основных элементов вооруженных сил—армии и флота. В данной кампании это требовалось в особенности, так как эта операция, по существу, являлась основным замыслом Русско-Японской войны.

Японцы, первой задачей которых было высадиться и закрепиться на материке, встретили—не мощного своим единством противника, а две силы (русской армии и флота), полные глубоких взаимных противоречий, согласованные лишь в конечной цели всей кампании, но не в путях к ее достижению.

¹ Не описываем Цусимской операции, имея в виду недавно вышедшую нашу книгу „Трафальгар — Цусима — Ютланский бой“, где операция изложена и разобрана.

Военное ведомство оставляло побережье на произвол судьбы; в его планы входило отступление на тыловые рубежи для накопления и сосредоточения войск. Морское—имевшее конечной целью борьбу за обладание морем, учитывая слабость артурской эскадры для генерального сражения с японским флотом, и, в предвидении этого сражения, полагало невыгодным выполнение активных операций, сопряженных с риском потери судов, для противодействия высадке.

Таким образом, японцам была открыта широкая дорога для выполнения десантных операций. Они высадили свои войска, не встретив никакого сопротивления, ни со стороны флота, ни со стороны армии России. Они проникли на материк по дороге, оставленной между военным и морским ведомствами России. Это было тяжелое для русских следствие „ведомственной стратегии армии и флота“.

Первый труднейший этап кампании — производство высадки японцы завершили не только благополучно, а в полном смысле слова беспрепятственно, так же беспрепятственно, как и союзники в Крымскую войну.

Перед японцами открылась дальнейшая задача проникновения в Сев. Манчжурию, дабы разбить русские войска ранее, нежели они будут усилены подвозом подкреплений из России; уничтожить или тесно заблокировать русский флот с целью обеспечить за собой сообщения с метрополией и окончательно и прочно завладеть морем.

Русская армия и русский флот продолжали оставаться несклонными к тесному согласованию своих действий.

Армия отступила в Манчжурию с целью накопления сил. Сухопутная стратегия, базировавшая свои предположения на громадные ресурсы Европейской России, казалось, имела данные сосредоточить подавляюще превосходное количество войск. Она приступила к выполнению своего плана, не считаясь более с положением на морском театре, оставив надежду подать помощь Артуру и продлить жизнь флота, который вскоре должен был получить подкрепление в виде второй эскадры.

Однако, подобно тому, как и в Крымскую войну, сосредоточение проходило медленно. Пропускная способность Сибирской магистрали была слишком мала, и осуществление плана затянулось настолько, что когда, наконец, он был близок к завершению, когда были собраны крупные силы на театре войны—Россия уже не могла воевать. Уже был превзойден предел ее моральной стойкости. Она должна была заключить мир.

Так, второй раз расчет на ликвидацию высадившегося противника при помощи перегруппировок сухопутных сил не оправдался. Так, второй раз была повторена та самая „основная, коренная“ ошибка, про которую говорил Леер, резюмируя опыт Крымской войны.

Не было ли здесь общих объективных причин, лежащих в области неправильного решения проблемы морской обороны?

Обращаясь к морской кампании, отчетливо можно видеть, как угасали активные идеи в русском флоте, как он медленно, но верно стал на путь отказа от борьбы с японским флотом в море, устремляясь к обороне Артурской крепости, с которой связал свою судьбу, подобно тому как Черноморский флот связал свою судьбу с Севастополем в 1854 г. Ни энергичный призыв Макарова, период командования которого является единственно светлым в истории Артурской эскадры, ни неоднократно раскрывавшаяся благоприятная для нее обстановка (например, потери японцев в начале мая), ни приказание высшего командования о необходимости перейти во Владивосток, бросив Артур — не могли остановить этого процесса „угашения духа“, который совершенно парализовал деятельность первой эскадры. И нигде это не было так ясно, как при обоих выходах русской эскадры (10 июня и 28 июля), когда командование выходило против воли, этому не сочувствуя и в успех не веря.

Какие же причины складывали такое настроение?

Их много: слабость морских сил сравнительно с флотом противника; несоответственное оборудование театра; отдаленность базы от Корейского пролива, вследствие чего операции флота были затруднены; тяжелое положение, в котором флот оказался в самом начале войны, вследствие повреждения сильнейших его судов; отсутствие ремонтных средств; слабость крепостной защиты Артура и т. п.

Все эти причины не исключали возможности проявления активной деятельности, хотя и затрудненной сложенной ими же тяжелой обстановкой.

Но кроме этих причин, были и другие.

Среди этих других причин, при внимательном изучении морской кампании этой войны, мы неизменно наталкиваемся на ту же причину, которая была свойственна и Крымской кампании: на отсутствие определенных идей активного использования флота для борьбы с сильнейшим противником на море.

Здесь так же не была ясна эта идея.

Она не возбуждала сомнений лишь тогда, когда допускалась возможность сосредоточения явно превосходных перед неприятелем сил для решения кампании генеральным боем с „верными“ шансами на успех. Но оперативная мысль неизменно становилась в тупик при обстановке, не отвечавшей таковым предположениям.

С того момента, как были взорваны „Ретвизан“ и „Цесаревич“, как установилось явное неравенство сил в пользу японцев, идея морской кампании была потеряна. Командо-

вание оказалось в том же положении, в каком было оно и в Крымскую войну. Правда, там положение было оценено вполне категорически, и Меншиков сам разоружил флот, послав людей и отдав орудия для обороны крепости. Здесь же такого признания со стороны наместника не было. Он не отказывается в принципе от активных операций, даже требовал от флота противодействия высадке, а затем выхода в море. В одном из писем Витгефту он выражает надежду, что „бой с противником в море будет последним актом Артурской эскадры“ и пр. Но все свои распоряжения он оговаривает необходимостью избежать риска и наличием полной уверенности в успехе. Даже тогда, когда Артур явно был накануне падения, когда ясно было, что эскадре в нем угрожает неминуемая гибель, отдавая приказание о прорыве эскадры во Владивосток, он оговаривает его предостережением—„по возможности, избегая боя“.

Это стремление—избежать риска, сохранить суда, свидетельствует о том, что вполне определенных задач, категорических и точных, флоту он не ставил, что ему самому были неясны перспективы боевых операций флота, что лишь забота о том, чтобы избежать поражения, а не о том, чтобы вести борьбу с противником на море, руководила им.

У наместника нет определенного замысла активной обороны.

Могла ли она быть у исполнителей с таким пораженческим настроением, каким был Витгефт? Могло ли сложиться у него ясное представление о том, что от него требуют, когда он читает приказание приступить к активным операциям, избегая риска, которого избежать невозможно?

Что оставалось делать Витгефту и другим адмиралам, среди которых были люди склонные к порыву и стремившиеся к борьбе в открытом море?

Загнанные в тупик, они видели лишь одну ясную цель перед собой—защиту крепости. Культ „геройской защиты Севастополя“ давал моральный выход.

Было бы неправильным утверждать, что сам по себе активный порыв был чужд флоту. В массе своего состава он с энтузиазмом приветствовал всякое активное выступление. Приказание о прорыве во Владивосток было встречено с восторгом. Проблема боя с противником лишь прельщала, в особенности молодежь. Отдельные адмиралы и командиры протестовали против оставления эскадры в Артуре. Командир „Севастополя“, Эссен (будущий командующий Балтийским флотом в Мировую войну) до последнего момента сохранил порыв к борьбе, выведя свой броненосец, когда внутренняя гавань обстреливалась с берега, на рейд, отразив там ряд атак японских миноносцев и утопив его на большой глубине, чтобы он не остался призом неприятель. Но все

это были разрозненные порывы, необъединенные ясной и определенной стратегической целью.

Таким образом, для создавшейся обстановки активной борьбы с сильнейшим противником у русского флота не было идеи, которая бы направила его усилия в сторону активного решения проблемы морской обороны побережья, оспаривая у противника полученную им возможность беспрепятственного выполнения его десантных операций, а затем — питания армии через море.

Пассивно оборонительные тенденции 1-й Тихоокеанской эскадры приходится сочетать с безумной авантюрой наступательной операции 2-й эскадры, с заведомо слабыми силами решившейся идти „на пролом“.

Нетрудно видеть, однако, что эта операция имела в своей основе ту же стратегическую безидейность, как и медленное умирание флота в Порт-Артуре.